

СОЦИОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ*

Е.А. МАМЧУР

Социология познания как самостоятельное направление в исследовании феномена научного познания возникла в 20-е гг. XX в. Основными вопросами, которые рассматривались в этой сфере исследований науки, были социальная природа познания; его социальная обусловленность и социальная детерминированность; механизмы распространения и ассимиляции результатов научной деятельности; процессы принятия научным сообществом новых теоретических результатов как общезначимых и т.п. Наиболее известными представителями социологии познания на этом этапе ее развития были К. Манхейм, М. Шелер, Т. Парсонс, Р. Мертон, П. Сорокин. Мы не будем рассматривать здесь этот этап социологии познания. Отсылаем читателя к прекрасной статье Н.В. Мотрошиловой, содержащей критический анализ этого направления¹.

Во второй половине XX в. социология познания вновь привлекла к себе внимание философской общественности. Феномен научного познания как социального явления стал интенсивно исследоваться в рамках многочисленных подходов и концепций. В настоящее время можно говорить о существовании двух направлений в этой сфере. Одно из них – это *традиционная социология познания*, представляющая собой на современной стадии развития социологических исследований науки совокупность различных дисциплин, получившая название Science Studies (в нашей, да иногда и в западной литературе, он характеризуется как культурологический подход к анализу научного знания – cultural approach). Его представители рассматривают науку как тип культуры и исследуют различные стороны познавательной деятельности ученых с помощью социологических методов. Другое направление, возникшее сравнительно недавно, и получившее название *социальная эпистемология*, как будет видно из дальнейшего изложения, пока не вполне определилось с тем, какие цели и задачи оно преследует и каков его предмет. Различные авторы, работающие в этом русле идей, понимают задачи социальной эпистемологии по-разному.

Помимо этих двух направлений существует *социология науки*. В ней опять-таки средствами и методами социологии исследуются институциональные аспекты науки. Ее предметом является наука как социальный институт. В данной статье мы не будем касаться социоло-

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Философия науки в эпоху перемен», № гранта 09-03-00671а.

гии науки и сосредоточимся только на социологии познания. Рассмотрим вначале первое из двух упомянутых выше направлений.

Культурологический подход к научному познанию

В настоящее время в рамках культурологического направления (или Science Studies) разрабатываются различные дисциплины. Прежде всего, это «этнографический» или, как его еще называют, «антропологический» подход. Его представители (первыми среди них были Б. Латур и С. Вулгар²) рассматривают сообщество ученых как то, что может и должно исследоваться теми же средствами и методами, какие применяют этнографы при изучении различных племен и этносов. Изучение того или иного племени, рассуждают они, невозможно проводить чисто теоретическими средствами, умозрительно, необходимо непосредственно наблюдать его хозяйственную и культурную жизнь, деятельность представителей племени, взаимоотношения соплеменников. Для всего этого необходимы полевые исследования. Аналогичным образом, полагают методологические «этнографы», такие исследования нужны и для изучения феномена научного познания. Необходим анализ деятельности ученых непосредственно в лабораториях. Начатый Б. Латуром и С. Вулгаром, этот подход в настоящее время развивается в работах Ш. Травик, М. Линч и др.³

Другой тип исследований, ведущихся в рамках Science Studies, — изучение тех конкретных мест (локусов), в которых осуществляется рутинная научная работа. Это научные и промышленные лаборатории, в которых концентрируются материалы, аппаратура, где проявляется мастерство ученых-экспериментаторов; библиотеки, где приобретается теоретическая информация; конференц-залы, в которых происходит обмен информацией; а также значительно более протяженные в пространстве ареалы, в которых осуществляется научная деятельность (полевые исследования).

Много работ посвящено лингвистической активности ученых, которая находит свое отражение в различных текстах и дискурсах, начиная с обычных университетских лекций и заявок на гранты и кончая научными статьями, монографиями и учебниками⁴.

В ряде разработок было показано, что исследование научной деятельности невозможно без серьезного анализа той роли, которую играют в ней материальные ресурсы. В этой связи рассматривалось использование экспериментальной аппаратуры, с одной стороны, и средств визуальной, наглядной репрезентации, применяемой в лекциях и выступлениях на конгрессах и симпозиумах, с другой⁵.

Большое число исследований было проведено с целью анализа тех путей и средств, с помощью которых научное знание получает свое признание в обществе. В этой связи анализировались процессы распространения научного знания от одной лаборатории к другой, и пути завоевания знанием статуса общезначимого⁶.

В последние десятилетия в такого рода исследованиях научного познания появилась *новая тенденция — противопоставлять себя эпи-*

стемологии, исключать эпистемологические проблемы из сферы своих исследований. Такая тенденция нашла свое отражение в так называемом натуралистском подходе к анализу научного познания. (Натурализм и натуралистический подход не являются однозначными терминами; в разных контекстах они могут иметь различный смысл. В данном случае они обозначают позицию, согласно которой знанием считается то, что *принимается* в качестве такового научным сообществом в то или иное время и в том или ином месте, независимо от того, что представляет собой оно *на самом деле*⁷). Исследователи, работающие в русле натуралистского подхода, заявляют о своем разрыве («разводе») с классической эпистемологией, и объявляют свои исследования irrelevantными эпистемологической проблематике. Вопросы истины, объективности научного знания, пути их достижения в процессе познания, проблемы взаимоотношения научного познания и действительности, вопрос о критериях реальности исследуемых объектов, являющиеся центральными для классической эпистемологии, «натуралистами» игнорируются. Сторонники «натуралистского» подхода с восторгом заявляют о том, насколько более плодотворным стало исследование науки после того, как был принят на вооружение «натуралистский» подход, отказавшийся от различения истинного и неистинного знания. Отмежевание исторических и социологических исследований науки от вопросов об истине, проблем реализма и объективности открыло, как они полагают, путь к значительно лучшему пониманию науки как человеческого предприятия. «Историки и другие исследователи, вовлеченные в интердисциплинарное поле Science Studies, имеют основания быть благодарными тем, кто сделал этот шаг» — пишет в своей обзорной книге английский исследователь Я. Голинский⁸.

Этот восторг не вполне понятен. Почему натуралистская тенденция является более плодотворной нежели традиционная, признающая необходимость не только культурологического но и эпистемологического исследования? Разве нельзя было бы, рассматривая все перечисленные выше аспекты научной деятельности, признавать вместе с тем, что эта деятельность в качестве окончательной имеет вполне определенную цель — получение объективно истинного знания? Чем бы помешало, скажем, исследователям использования в науке различной экспериментальной аппаратуры признание того, что, в конечном счете, это использование направлено на получение истинного знания? Верно, что непосредственная цель может быть другой. Когда ученый пользуется, например, проектором при своем выступлении на симпозиуме, он в качестве непосредственной цели может стремиться к тому, чтобы сделать свое выступление более ярким и наглядным, с тем чтобы убедить своих коллег в правоте своей точки зрения. Но ведь, если он не шарлатан, он это делает во имя научной истины!

То же самое можно сказать об исследованиях науки как лингвистической деятельности. Ученый в процессе своей работы вынужден писать и произносить различные тексты. Конечно, текст заявки на грант

отличается по своему содержанию и характеру от текста научного сообщения и статьи. Но почему бы представителю культурологического подхода не зафиксировать, что, в конечном счете, эта заявка у подлинного ученого имеет цель способствовать процессу научного исследования, основная задача которого — познание законов природы. В нашей стране аналогом Science Studies выступало науковедение. Отечественные науковеды занимались многими из тех вопросов, которые волнуют в настоящее время представителей Science Studies, однако в их разработках особый эпистемологический статус науки никогда не подвергался сомнению, что не помешало плодотворности этих работ.

Science Studies как разновидность социологии познания давно получило всеобщее признание как необходимое для понимания функционирования и развития науки. В целесообразности его существования никто не сомневается. Не вызывает особых возражений даже «натуралистский» подход. Исследование научной деятельности безотносительно к вопросам истины или другим эпистемологическим проблемам имеет право на существование: можно анализировать науку и так. Неприемлемым представляется то, что, отказываясь от проблем, традиционно принадлежащих исследовательскому полю эпистемологии, на том основании, что эти проблемы их не интересуют, многие сторонники культурологического подхода не признают за традиционной эпистемологией права на существование.

Тем не менее, как показывает анализ «натуралистских» работ, их авторы отнюдь не чужды эпистемологической проблематики. Так, когда они утверждают, что любая информация, которая принимается учеными или обществом, уже является знанием, они решают типично эпистемологическую проблему о том, что является знанием, каковы критерии его научности. Заявляя это, они тем самым неявно принимают в качестве исходной предпосылки то, что надежных критериев научности не существует, а следовательно, не существует и истины. Так что, несмотря на декларируемую нейтральность, все это очень похоже на эпистемологический релятивизм: позиция, согласно которой знание — это то, что *считается* таковым, а не то, что *является им в действительности* — это уже путь к релятивизму.

«Натуралисты» верно утверждают, что научное знание является продуктом деятельности людей (хотя не понятно, что в этом нового; с этим не спорят и эпистемологи, по крайней мере, начиная с И. Канта). Вместе с тем, они выступают против образа науки, в соответствии с которым цель научного познания — «открытие предданного порядка природы»⁹. Но ведь такое заявление — определенное решение типично эпистемологической проблемы о цели, границах и назначении науки.

Еще раз повторим: вполне правомерно исследовать науку, отвлекаясь от вопросов истины и заблуждений. Нет ничего криминального в том, чтобы рассматривать ее лишь как один из аспектов культуры в ряду других ее аспектов, отвлекаясь от традиционных эпистемологических проблем, как это делают «натуралисты». Но нельзя только на этом основании отрицать важность эпистемологической проблематики.

Изменение перспективы в изучении науки, осуществляемое сторонниками натуралистской тенденции в культурологическом подходе, ведет к тому, что реальный образ науки в их разработках искажается. Именно так можно истолковать картину науки, которая, с точки зрения Голинского, должна выступить результатом исследований, проводимых в Science Studies. «Внимание переключается, — пишет он, — с аномалий как таковых на их конструирование членами исследовательских групп с определенными целями. Вместо того чтобы спрашивать: “Что является аномалией?”, считается более подходящим спросить: “Кто сказал, что существуют аномалии, и почему им удалось убедить в этом других?”». Эта форма вопроса открывает путь, полагает Голинский, к исследованию того, как распределяются финансовые ресурсы в пределах научного сообщества¹⁰. Получается, таким образом, что единственное, что интересует ученых — это получение финансовой поддержки. Излишне говорить, что такой образ науки является карикатурой на деятельность ученых.

В одной из своих недавних работ Р. Рорти, также высказывавший весьма определенную негативную позицию по отношению к эпистемологической проблематике, призвал эпистемологов к мирному сосуществованию. Рорти — приверженец так называемой «континентальной» философии, к которой принадлежат и «натуралисты» — обращается к философам-аналитикам. Он пишет, что философия Ф. Ницше, М. Хайдеггера и М. Фуко имеет такое же право на существование, как и философия Б. Рассела, Р. Карнапа, К. Гемпеля и Г. Рейхенбаха. Но ведь для представителей аналитической философии это утверждение бесспорно. А вот в разработках сторонников «континентальной» философии, также как в работах самого Рорти, вопрос ставится иначе. Их авторы занимают очень критическую и наступательную позицию по отношению к науке и философии науки. Сам Рорти провозглашает конец эпистемологической (читай: аналитической) философии, говорит о необходимости замены «систематической» философии, т.е. философии, ориентированной на науку, некоей «наставительной» философией. Он утверждает, что подлинная философия — это не эпистемология, это разговор, непрекращающийся разговор человечества. Что ж, пусть какая-то часть философии и окажется разговором, который будет носить, к тому же, наставительный характер. Но почему это должно предполагать запрет на эпистемологическую философию?

О конце эпистемологической философии заявляют и представители натуралистского подхода, когда они утверждают, что появление Science Studies означает конец или, по крайней мере, серьезный подрыв традиционных (т.е. эпистемологических) исследований науки. Сопшемся на того же Голинского: «К концу 1980-х годов, — пишет он, — поле дисциплин, задействованных в Science Studies, стало неоднородным, а сами дисциплины — конкурирующими друг с другом и противоречащими друг другу, но уже невозможно было избежать впечатления, что традиционное понимание науки было радикально подорвано»¹¹.

Между тем, эпистемолог отнюдь не против разработок в духе «натуралистского» подхода. Но он полагает, что результаты этого подхода должны обязательно *сочетаться* с результатами, полученными в рамках эпистемологического анализа знания. Для него ясно, что эти два направления в исследовании науки могут развиваться параллельно, независимо друг от друга; но без объединения полученных с их помощью результатов постичь природу научного познания невозможно.

При этом вовсе не предполагается, что эпистемологический анализ должен обязательно приводить к выводу, что научное познание *обеспечивает* получение объективно истинного знания. Возможно, что современная эпистемология придет к противоположному выводу. (Хотя, думается, что этого не произойдет.) Речь о другом: без анализа того, что на самом деле есть научное знание, а что только *считается* таковым; каковы используемые в науке критерии обоснования знания; что есть истина в науке и какими путями и методами она добывается, целостное понимание феномена науки не будет достигнуто.

«Натуралисты» отрицают особый статус науки. Так, например, Д. Блур, критикуя традиционную социологию науки, представители которой (К. Манхейм, Р. Мертон, М. Шеллер) полагали, что естественнонаучное знание и его содержание лежат вне сферы социологических исследований, с сарказмом замечает: «Социологи (науки. — Е.М.) убеждены, что наука — это особый случай»¹². Не признавать особый статус науки натуралисты имеют право. Но ведь такая позиция должна быть не просто декларирована, но обстоятельно обоснована. А вот такого обоснования в их разработках как раз и нет. И если аргументы и выдвигаются, они не выглядят убедительными.

Так обстоят дела со взглядами тех социологов познания, которые отказываются, по крайней мере на словах, играть на эпистемологическом поле. Посмотрим, как обстоят дела с теми, кто не отказывается от решения эпистемологических проблем.

Социальная эпистемология

В отличие от культурологического подхода (Science Studies) социальная эпистемология считается, во-первых, довольно молодым направлением в социологии познания и, во-вторых, в отличие от Science Studies, оно открыто заявляет об эпистемологической релевантности своих исследований. Четкого и ясного определения того, что представляет собой социальная эпистемология, до сих пор нет. Недаром и отечественные авторы, несмотря на существование интересных разработок в этой области¹³ и на то, что рассматриваемая дисциплина уже получила у нас институциональное выражение (в ИФ РАН есть соответствующий сектор), все еще размышляют над тем, чем же должна заниматься социальная эпистемология и каков ее предмет¹⁴.

В размещенной в Интернете «Стэнфордской философской энциклопедии»¹⁵ утверждается, что впервые термин «Социальная эпистемология» был предложен Шера, который дал такое определение этой дисциплине: «Социальная эпистемология — это изучение того,

как познание функционирует в обществе. ... Фокусом этой дисциплины должны стать продуцирование знания, его распространение, интеграция и потребление всех форм коммуникативных идей через целостную социальную фабрику»¹⁶.

Но если согласиться с определением Шера, мы не почувствуем специфики социальной эпистемологии: его определение ничем не отличает ее от традиционной социологии познания. Да и сами авторы цитируемой статьи (а они определяют социальную эпистемологию как «Исследование социальных параметров познания...»¹⁷) не указывают нам на что-то новое и специфическое в сфере социологического анализа научного познания: социальные параметры познания традиционно были предметом социологии познания. По-видимому, все-таки социальная эпистемология — это что-то другое.

Соглашаться с высказываемым иногда мнением о том, что социальную эпистемологию каждый может понимать как ему нравится, не хотелось бы. Что же это за дисциплина или направление, где царит полный произвол? Попробуем все-таки разобраться, что же стоит за этим термином.

Уже из самого определения очевидно, что от традиционной социологии познания социальную эпистемологию отличает ее связь с эпистемологией. Признавая существование такой связи, авторы цитируемой нами статьи из Интернета отмечают, что одни исследователи полагают, что эта дисциплина должна выполнять *ту же* функцию, что и классическая эпистемология, но только с учетом того, что знание не является таким индивидуалистическим, каким оно представлялось в классической эпистемологии; другие считают, что эта дисциплина должна более радикально *отойти от классической эпистемологии* и вообще заменить ее. (Насчет классической эпистемологии и ее отношения к научному познанию как индивидуалистическому предприятию можно поспорить. Но мы пока не будем останавливаться на этом вопросе и пойдем дальше. Позднее мы вернемся к нему.) Таким образом, социальная эпистемология — это все-таки эпистемология, хотя, по-видимому, и не традиционная.

Думается, что ключ к пониманию предмета социальной эпистемологии следует искать, анализируя содержание разработок, которые осуществляются под рубрикой социальной эпистемологии, и авторы которых позиционируют себя как ее представители. Вместе с тем, просто опереться на эти работы, не анализируя их критически, значит вернуться к уже отвергнутой нами точке зрения, согласно которой социальная эпистемология — это то, что тот или иной автор под ней понимает. Следует отобрать те работы, которые отличались бы от традиционной социологии познания, и авторы которых, занимаясь эпистемологическими проблемами, не сводили бы свои методы к традиционным для классической эпистемологии. Проведя такой анализ можно прийти к выводу, что социальная эпистемология — это действительно особая дисциплина, по своему характеру подобная таким наукам как биофизика, биохимия, социобиология. Биофизика, например, не является ни био-

логией, ни физикой; не есть она и простое соединение этих дисциплин; это, конечно, синтез, но синтез не столько содержания биологии и физики, сколько методов одной дисциплины при исследовании объектов и процессов другой. В биофизике — это применение физических методов и идей к изучению живых организмов. В биохимии — это использование химических методов при исследовании биологических систем.

По-видимому, аналогичным образом обстоит дело и с социальной эпистемологией. Ее суть — в применении социологических средств и методов к традиционной эпистемологии. Думается, что предмет новой дисциплины можно определить так: *социальная эпистемология — это направление в социологии познания, которое исходит из того, что традиционные эпистемологические проблемы должны решаться социологическими методами и средствами.*

Основания социальной эпистемологии

Какими соображениями руководствуются авторы и сторонники социальной эпистемологии, утверждая, что эпистемологические проблемы не только можно, но и следует решать, используя социологические средства? Анализируя осуществляемые ими разработки и содержащиеся в них case studies, можно понять, что основания для социальной эпистемологии они усматривают в особом характере взаимоотношений между социальным контекстом и научным познанием, который, с их точки зрения, существует в реальной науке.

Говоря о взаимоотношении социального контекста и научного познания можно выделить три уровня, различающиеся между собой по силе и глубине воздействия социальных факторов на познавательный процесс. Они нашли свое отражение в трех тезисах: о *социальной природе*; *социальной обусловленности* и *социальной детерминированности научного познания*.

Концепция *социальной природы* познания — одно из главных достижений немецкой классической философии и, прежде всего, философии Канта и Гегеля. Ее суть в том, что истинным субъектом познания выступает не изолированный индивид, а человеческое общество на том или ином этапе его развития. Индивид может осуществлять функцию субъекта познания только тогда, когда он овладел материальными и духовными средствами познавательной деятельности, выработанными предшествующими поколениями людей — языком, логикой, накопленным знанием, экспериментальным оборудованием и т.д. Вот и ответ современным критикам классической эпистемологии: вопреки приведенному выше утверждению о том, что классическая эпистемология исходила из представлений о науке как индивидуалистическом предприятии, уже в середине XIX в. существовала эпистемология, в которой наука никогда не рассматривалась таким образом, ведь гегелевская (так же как и впоследствии марксистская) гносеология отрицала возможность гносеологической робинзонады.

Тезис о *социальной обусловленности* познания близок к концепции социальной природы познания, но является более конкретным. В кон-

цепции социальной природы познания социальное выступает как предпосылка, как некое обязательное условие, без которого наука просто не могла бы реализоваться. В тезисе о социальной обусловленности внимание фиксируется на роли *конкретных* социальных факторов и их влиянии на познавательный процесс в данное время и в данном месте.

И, наконец, утверждение о *социальной детерминированности* научного познания. В нем предполагается, что социальные факторы играют самостоятельную роль в функционировании и развитии научных идей, выступая *основной движущей силой* развития научного познания.

Тезис о социальной детерминированности научного познания является более узким по сравнению с двумя другими тезисами, но и более сильным. И, забегая вперед, можно сказать, что если концепции социальной природы и социальной обусловленности научного познания сомнений не вызывают, то концепция его социальной детерминированности считается очень проблематичной.

Традиционная социология познания имеет дело с социальной природой и социальной обусловленностью научного познания. *Социальная эпистемология начинается тогда, когда исследователи науки исходят из того, что научное познание социально детерминировано.*

В западной традиции к «дисциплинарным образцам» социальной эпистемологии можно отнести работы Т. Куна, П. Фейерабенда, Н.Р. Хансона, С. Фулера, социальных конструктивистов – С. Вулгара и Б. Латура, сторонников «Сильной программы социологии познания» – Б. Барнса, Д. Блур, С. Шейпина. Анализируя работы этих авторов, можно сформулировать основные послышки, лежащие в основании рассматриваемого подхода. Суть их в следующем:

1. Без обращения к социальным факторам никакая адекватная (реальной научной практике) реконструкция функционирования и развития научного познания невозможна.

2. Более того, именно социальные факторы играют роль главной движущей силы развития научных идей.

3. Социальные факторы детерминируют не только внешнюю, но и внутреннюю историю науки, так что не существует истории науки, относительно независимой от истории ее социокультурного окружения.

4. В отличие от философов науки, выдвинувших так называемый «принцип а-рациональности» (Л. Лаудан¹⁸), согласно которому социальные факторы должны привлекаться для теоретической реконструкции истории науки только тогда, когда речь идет о девиации научного познания от прямого пути рациональности (т.е. о «плохой» науке), сторонники социальной эпистемологии (Д. Блур, Б. Барнс, С. Шейпин) полагают, что социальные средства должны привлекаться для объяснения не только «плохой», но и «хорошей» науки (принцип методологической симметрии в исследовании научного познания).

Начало социальной эпистемологии было положено работами Т. Куна, Н.Р. Хансона, П. Фейерабенда, которые в начале своей исследовательской деятельности относили себя к философам науки и лишь позднее некоторые из них (Кун, Фулер) начали считать себя социологами по-

знания. (Как уже отмечалось, сам термин «социальная эпистемология» появился позднее.) Так что социальная эпистемология — отнюдь не такое уж и новое направление! Решая эпистемологическую по своему характеру проблему закономерностей перехода от одной научной парадигмы к другой, выявляя причины эволюции научного знания, Кун пришел к выводу, что основную роль в данном случае играют не когнитивные аргументы (данные эксперимента, методологические критерии, типа верифицируемости, фальсифицируемости, сравнительной простоты и т.д.), а социальные (социо-психологические) факторы. Из-за теоретической нагруженности эмпирических данных и исторической изменчивости вовлекаемых в процесс оценки теорий методологических принципов в науке отсутствуют, как полагал Кун, парадигмально независимые критерии отбора теорий. Благодаря этому переход от старой парадигмы к новой осуществляется не на основе рациональных соображений и сознательного выбора, а на основе «переключения гештальта» у сообщества ученых. Говоря словами самого Куна, «вместо утки начинают видеть кролика». Например, вместо заполненного тончайшим эфиром универсума, в котором взаимодействия распространяются мгновенно, без участия промежуточной среды, как было в классической механике, после перехода к электромагнетизму ученые начинают видеть универсум, заполненный материальными полями, являющимися переносчиками взаимодействия; вместо электрона-частицы, фигурирующего в классической физике, после перехода к квантовой механике они начинают «видеть» нечто неопределенное, которое только после регистрации его в приборе и в зависимости от характера аппаратуры становится либо частицей, либо волной.

Дальнейшее развитие социальная эпистемология получила в «Социальном конструктивизме» Б. Латура и С. Вулгара и в «Сильной программе социологии познания», разрабатываемой представителями Эдинбургской школы (С. Шейпин, Д. Блур и Б. Барнс). Социальные конструктивисты отрицают объективный характер научного факта и утверждают, что факты в науке — результат соглашения между членами научного сообщества. В качестве оснований для такого утверждения они указывают на представление о теоретической нагруженности экспериментальных данных, а также на те особенности экспериментальной проверки теории, благодаря которым эксперимент оказывается практически не воспроизводимым: его невозможно повторить из-за сложностей, связанных с получением экспериментального образца, или «тонкости» проверяемых, предсказанных теориями, эффектов. Ученые вынуждены в какой-то мере «поверить на слово» тем экспериментаторам, которым удалось добыть необходимое для проведения эксперимента количество испытуемого вещества или подтвердить предсказание теории.

Сторонники «Сильной программы социологии познания» развивают программу Куна и усиливают ее, утверждая, что социально детерминированным является не только процедура оценки теорий, но и *содержание* научных идей. Последнего тезиса у Куна не было.

Установки и цели «Сильной программы» довольно расплывчаты. Очень часто ее приверженцы, утверждая «сильный» характер своих исходных тезисов, и претендуя на то, что они имеют дело с социальной детерминированностью научного знания, провозглашают лозунги, которые указывают на то, что, на самом деле, они не выходят за рамки обычной социологии познания. Один из таких лозунгов — «Наука является социальным предприятием и должна исследоваться социологическими средствами». Сторонники «Сильной программы» считают это утверждение очень смелым и сильным. Но в качестве аргументов в его поддержку они указывают на то, что ученый, прежде чем приступить к исследованию, получает образование в соответствующих учебных заведениях, пользуется аппаратурой, учебниками, созданными не им, а предшествующими поколениями ученых и т.д., т.е. фиксируют социальную природу познания. Ничего нового в этом лозунге нет; он просто тривиально верен.

В своих реконструкциях отдельных эпизодов в истории науки, они, претендуя, по-видимому, на то, что занимаются социальной эпистемологией, на самом деле не выходят за рамки социологии познания, поскольку остаются в пределах концепции его социальной обусловленности. Вместе с тем, они часто делают значительно более сильные утверждения, когда провозглашают, что социальные факторы играют в науке роль движущих сил познания не *наряду* с когнитивными, а независимо от них. Многочисленные case studies, в которых они пытаются это доказать, опровергаются другими исследователями. Критики показывают, что если наука развивается рационально, социальные факторы действуют всегда *наряду* с когнитивными. Верное решение вопроса об отношении социального и когнитивного в развитии науки состоит в провозглашении их *взаимной дополнителности*: социологический анализ должен дополнять когнитивный, а не подменять его.

В этом плане характерно отношение исследователей к предложенной П. Форманом реконструкции возникновения и становления квантовой механики в Германии 20-х годов XX в.¹⁹ Форман пытался редуцировать все механизмы и причины появления этой теории к социальным, утверждая, что причиной появления индетерминистской квантовой теории являлась общая духовная атмосфера в Германии после ее поражения в Первой мировой войне. Это поражение, считает Форман, подорвало веру в интеллектуальные ценности, проповедуемые старой культурой и классической наукой. В числе таких ценностей была и идея детерминизма как некоего универсального принципа природы. Критики Формана показали, что основной причиной были все-таки внутренние проблемы физического познания, суть которых состояла в трудностях объяснения закономерностей излучения абсолютно черного тела. Если бы речь шла о *принятии* научным сообществом квантовой теории, можно было бы сказать, что в утверждениях Формана есть доля истины. Но сводить причины *генезиса* этой теории к социальным — значит исказить реальную историю этой дисциплины.

Таким образом, само существование социальной детерминированности научного познания многими исследователями феномена науки подвергается сомнению. Социальное влияет на научное познание. Оно может оказывать и конструктивное, и деструктивное воздействие. Конструктивным воздействие будет тогда, когда в социальной находят свое отражение, оказываются «схваченными» особенности познаваемого объекта. Если же социальное искажает образ и сущность исследуемого объекта, его влияние будет признано негативным, а полученное под этим влиянием знание будет, в конце концов, отброшено. В науке существует фильтр методологических критериев, который и определяет решение — принять или не принять тот или иной научный результат. Этот фильтр действует лишь на «длительном пробеге» теорий, но, тем не менее, он оказывается достаточно эффективным, чтобы отличать знание от заблуждений.

Сторонники социальной эпистемологии, вопреки реальному положению дел в научном познании, отрицают существование такого фильтра, утверждая, что кросс- (или над-) культурные (над-парадигмальные) критерии оценки теорий или парадигм в научном познании отсутствуют. Тем самым, они обрекают себя на релятивизм, осознают они это сами или нет. Они ссылаются на историческую изменчивость и парадигмальную зависимость критериев оценки теорий. Но степень этой изменчивости ими гипертрофируется. Как показали исследования их оппонентов, несмотря на такую изменчивость, в содержании теоретического знания меняется далеко не все. В сфере эмпирических данных остается неизменным «первичный экспериментальный материал»; между математическими аппаратами новой и старой парадигм действует принцип соответствия; остается неизменным, инвариантным некоторое содержание внеэмпирических методологических принципов. И этого оказывается достаточным для того, чтобы научное познание можно было реконструировать, как обладающее статусом хотя бы относительной объективности²⁰.

Вместо итогов

Итак, социальная эпистемология — одно из направлений социологии познания. В отличие от традиционной социологии познания она стремится решать эпистемологические проблемы социологическими методами. Основание для такой возможности ее сторонники усматривают в якобы существующей социальной *детерминированности* научного познания — посылка, которая, на взгляд многих философов науки, является весьма проблематичной. Признавая справедливость тезиса о социальной *обусловленности* познания, эти исследователи считают, что такого сильного воздействия социального на научное познание, которое предполагается в тезисе о его социальной детерминированности, просто не существует: всегда есть сопротивление самого научного материала, не допускающего редукции когнитивного к социальному.

Таким образом, если социальные эпистемологи исходят из представлений о социокультурной детерминированности научного позна-

ния, особых шансов на успех для развиваемого ими направления не существует. Если же они будут исходить из более слабого тезиса — тезиса о социокультурной обусловленности научного познания — перед ними открывается интересное и богатое поле исследований, но фактически оно будет мало отличаться от традиционной социологии познания. Проблемы эпистемологии только социологическими средствами решены быть не могут.

По-видимому, именно поэтому, как говорят и авторы цитируемой нами интернетовской статьи, все работы в области социальной эпистемологии в западной литературе подвергаются критике. Что касается отечественных авторов, то они, как представляется, занимаются (и весьма успешно) все-таки проблемами социологии научного познания, а не социальной эпистемологией.

В самом деле, возьмем в качестве примера две недавно опубликованные монографии, посвященные социальным параметрам языка²¹. Обе они идут под рубрикой социальной эпистемологии. Представляется, однако, что термины «социология языка, социальный анализ языка» являются более подходящими для характеристики проводимого авторами книг исследования, по сравнению с термином «социальная эпистемология языка». И вот почему. Эпистемология языка — это круг вопросов, касающихся природы языка, его происхождения, в этот круг входит и проблема критериев истинности высказываний, и самое главное, как указывает Л. Витгенштейн — вопрос об отношении слов к вещам, обозначающего к обозначаемому²². Если я правильно поняла авторов работ, речь в них идет все-таки о другом. Язык рассматривается здесь как нечто уже существующее и функционирующее в обществе; авторов интересует (помимо всего прочего — психологии языка, феноменологии и т.д.) проблема взаимоотношения языка и языковых конструкций с социокультурным окружением. Все это традиционно характеризовалось как социология языка. Естественно, каждый волен понимать социальную эпистемологию языка, также как и социологию языка по-своему. И социология познания — вполне уважаемое направление в изучении феномена языка, или научного познания, и заниматься разработками в этой области — значит продолжать одну из важнейших и многообещающих традиций в исследовании науки и культуры. Но еще раз поразмышлять над границей между социологией познания и социальной эпистемологией, о предметах этих двух дисциплин, думается, стоит.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мотрошилова Н.В. Социология познания// Философская энциклопедия. Т. V. — М., 1970. — С. 100 — 101.

² Latour B. and Woolgar S. Laboratory Life: the Social Construction of Scientific Facts. — L., 1979.

³ Linch M. Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory. — L., 1984; Traweek Sh. Beamtimes

- and Lifetimes: the World of High-Energy Physicists. — Camb. (MA): Garvard University Press, 1988.
- ⁴ *Bazerman Ch.* Literate Art and the Emergent Social Structure of Science // Social Epistemology. 1987. № 1; *Dillon G.* Concluding Rethorics: Writing in Academic Disciplines. — Bloomington: Indiana University Press, 1991.
- ⁵ См., например: *Gallison P.* How Experiments End. — Chicago, 1987; *Winkler M.G., Helden A. van.* Representing the Heavens: Galileo and Visual Astronomy // *Isis*. 1992. № 83. — P. 195 — 217; *Хакинз Я.* Представление и вмешательство. Начальные вопросы философии естественных наук. — М., 1998.
- ⁶ См., например: *Collins H.M.* Certainty and Public Understanding of Science: Science on Television // *Social Studies of Science*. 1987. Vol. 17. — P. 689 — 713.
- ⁷ См.: *Golinsky J.* Making Natural Knowledge. Constructivism and the History of Science. — Camb., 1998. Preface.
- ⁸ *Golinski J.* Making Natural Knowledge. Constructivism and the History of Science. — P. X.
- ⁹ Ibid. Preface.
- ¹⁰ *Golinsky J.* Making Natural Knowledge. — P. 25.
- ¹¹ Ibid. — P. 5.
- ¹² *Bloor D.* Knowledge and Social Imagery. — L., 1976. — P. 2.
- ¹³ См., например, *Касавин И.Т.* Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. — М., 2008; Язык, знание, социум. Проблемы социальной эпистемологии / Под ред. И.Т. Касавина. — М.: ИФ РАН, 2007.
- ¹⁴ См.: Панельная дискуссия // Эпистемология и философия науки. Ежеквартальный журнал. 2007. Т. XIV. № 4.
- ¹⁵ <http://plato.stanford.edu/entries/epistemology-social>.
- ¹⁶ *Shera J.* Sociological Foundations of Librarianship. — N.Y., 1970. — P. 86.
- ¹⁷ Social epistemology // *Stanford Encyclopaedia of Philosophy* // <http://plato.stanford.edu/entries/epistemology-social>. — P. 1.
- ¹⁸ *Laudan L.* Progress and Its Problems. Towards a Theory of Scientific Growth. — L.: Routledge and Kegan Paul, 1977. — P. 200 и далее.
- ¹⁹ *Forman P.* Weimar Culture, Causality and Quantum Theory, 1918 — 1927: Adaptation by German physicists and Mathematicitians to a Hostile Intellectual Environment // *Historical Studies in the Physical Sciences* (Philadelphia). 1971. №. 3.
- ²⁰ Подробнее см.: *Мамчур Е.А.* Образы науки в современной культуре. — М., Канон+, 2008.
- ²¹ См. примечание 13 в данной статье.
- ²² *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. — М., 2008. — С. 11.

Аннотация

В статье анализируется новый подход к исследованию научного познания, получивший название социальной эпистемологии. Рассматривается соотношение этой дисциплины с традиционной социологией познания и традиционной эпистемологией. Особое внимание уделяется дискутируемому вопросу о предмете социальной эпистемологии.

The article deals with social epistemology — a new approach to the investigation of scientific knowledge. Relations of this study with traditional sociology of knowledge and traditional epistemology are analyzed. The author draws special attention to the disputable question of the subject of social epistemology.